

ТРИНАДЦАТЬ

Два часа, за долгие годы всего два часа молчал Центральный ереванский телеграф. Это было 9 мая 1945 года. Телеграфисты оставили аппараты и выбежали на площадь Ленина. Сюда все прибывал и прибывал народ. Смех, ликование, просветленные лица. Но всех ли дождалась матери, сестры, жены?

Не вернулись и эти тринадцать ребят, изображенных на картине художника Грачья Акопяна «Баллада о погибших». На полотне, звучащем, как песня скорби, благодарности, верности, — парнишки, которым не было восемнадцати. Они смотрят на нас пристально, в упор, словно стремясь проникнуть в будущее, до которого не дошли, увидеть тех, кому оставили незавершенное. Смотрят требовательно — верны ли мы делу, которое было для них дороже юности, жизни...

...— Товарищ генерал, разрешите доложить, — вытянувшись по стойке «смирно», начал свой рапорт разведчик. Грохот снарядов заглушил его слова. Генерал, не отрываясь от окуляров перископа, наблюдал за идущими полным ходом по направлению к КП «тиграм». «Уничтожить!» — коротко приказал он, не оборачиваясь. Первым из блиндажа выбежал разведчик.

Танки были метрах в десяти от него. Надо рассчитать все предельно точно, до метра. Резко выбросил вперед руку с противотанковой гранатой... Бросил вторую... «Тигры» остановились, из кормовой части одного повалил густой черный дым.

«Все же не рассчитал, черт!» — мелькнуло в голове. Третий танк был совсем рядом. Времени для размышлений не оставалось. Вырвал зубами один, потом второй предохранитель, бросился под танк.

...Генерал отошел от перископа: «Узнать фамилию, представить к награде». — бросил он подошедшему адъютанту. Фамилию солдата узнали из единственного документа, который удалось найти — комсомольского билета.

— Кто? — спросил генерал стоявшего в молчании адъютанта. И вдруг неожиданно для себя сорвался на крик: — Кто, я вас спрашиваю?

Окрик вывел адъютанта из оцепенения: «Товарищ генерал, это... ваш сын Марсель Мартиросян... пал смертью храбрых».

...Налет фашистской авиации на этот раз продолжался особенно долго, но кончился как-то внезапно. Одесса была в руинах, и то, что здание оперы оставалось почти невредимым, казалось странным. От осколков снарядов пострадали лишь скульптура, барельефы. Потом стало известно, что фашистские асы «берегут» оперу как ориентир.

Юноша стоял среди искалеченных мраморных статуй и сокрушенно приговаривал: «Апсос, апсос... жаль». У колонны перед входом он заметил несколько мешков. Подошел, надорвал один из них — гипс. Через несколько минут, засучив рукава, он разминал упругую массу, от которой успели за месяцы войны отвыкнуть руки. Как давно это было: кружок юных скульпторов в Ереванском дворце пионеров, первая работа из пластилина, первая выставка, на которой экспонировался и его «Юный Давид»...

Он приступил к работе. Бережно собирал осколки, один к одному.

— Отставить, — послышалась тогда за спиной резкая команда. Эсперанс обернулся. Перед ним стоял капитан в серой от пыли шинели. Изможденное лицо с красными от бессонницы глазами.

— Чем занимаетесь, рядовой Баязцян? — спросил он.

— Да вот, пытаюсь реставрировать — указывая на разбитую скульптуру, ответил юноша.

— Скульптор?
— Собирался стать скульптором.
— Сколько лет?
— Восемнадцать, товарищ капитан.

— Нашел время реставрировать, — грубовато сказал капитан. И закончил неожиданно ласково: — Хорошо, продолжай, сынок.

Бои за Одессу унесли много жизней. И ему, Эсперансу, продолжить реставрацию не удалось...

...— Локти выше, держи кисть, опусти плечи, — требовал профессор Ерицян у маленького Вигена. Сын никак не мог понять, зачем эта напряженная поза, ведь играет он лишь легкие гаммы. Потом он играл с упое-

нием сложные вещи, но память отказывалась теперь от них.

...Гаммы, гаммы — в воспаленной памяти всплывал стройный ряд звуков. В бараке душно, очень душно. Где-то наверху мерцает засаживаемая мухами, окутанная паутиной тусклая лампочка. Ворота барака 2 концлагеря 319-а распахнулись. Свежий морозный воздух резко ворвался в помещение. На мгновение Виген пришел в себя, услышал чужую гортанную речь, открыл глаза. Над ним стоял офицер в черном мундире. Указав на Вигена, он коротко бросил по-немецки: — И этого!

На какой прекрасной ноте оборвалась гамма?

...Гарибян Гариб — погиб в канун 35-й годовщины Октября, 6 ноября 1942 г. Это он в первые же месяцы войны заменил в бою погибшего командира. За отвагу, мужество, решительность юному воину было присвоено звание младшего лейтенанта. Его ранили в неравном бою. И он, раненый, прикрывал отступление роты, которой командовал.

Баагн Карагезян — пал смертью храбрых в октябре 41-го. Абрамян Левон, Папанян Мукуч, Папуджян Ованес, Мусаханян Сурик, Меликсетян Карлен, Степанян Рафик, Баграмян Мукуч, Арутюнян Арутюн. Никто из них, этих ребят, не вернулся, ни один не увидел салюта Победы.

...Я стою в вестибюле Ереванской школы имени Горького, в которой учились эти мальчики. Перемена. Вглядываюсь в лица учеников и ловлю себя на том, что пытаюсь найти в них черты тех тринадцати. Пытаюсь разглядеть в этих ребятах то неведомое, что послало на подвиг их сверстников рождения 24, 25, 26-го годов.

Героями не рождаются, ими становятся, когда этого требует долг перед Родиной.

Май 1977 года. Школа имени М. Горького. Сегодня здесь состоится традиционная встреча школьников с бывшими выпускниками, участниками событий более чем тридцатилетней давности. Живые придут почтить память погибших, защитивших ценою своей жизни дни рождения и свадьбы, веселые праздники и мирный труд людей.

С. АРУТЮНЯН.